

9. Лебедев И.В. Жанр фэнтези и авантюрно-приключенческая литература // Rhema. Рема. 2014. №3. С. 14-20.

10. МакКлауд, С. Переосмысление комикса: эволюция формы искусства / Пер. с англ. / МакКлауд С. – М.: Белое яблоко, 2018. – 252 с.

11. Смирнова О.В. Стратегии печатных медиа в эпоху цифровых технологий // Вестник Московского университета. 2013. №6. С. 26-38.

J.A. Eykalis (Russland, Samara)

ZUR FRAGE DER TRANSFORMATION DES DEUTSCHEN COMICS IM INTERNETDISKURS (BASIERT AUF DEM MATERIAL DES DEUTSCHEN WEBCOMIC „WORMWORLD SAGA“)

Der Artikel behandelt das Problem der Transformation der sprachlichen Gestaltung und der Struktur des deutschen Comics unter dem Einfluss digitaler Technologien. Im Artikel werden die Begriffe des Print- und Webcomics analysiert und die Besonderheiten der sprachlichen Gestaltung eines deutschen Webcomics beschrieben.

Schlüsselwörter: deutschsprachige Comics, Webcomics, kreolisierter Text.

Г.В. Кучумова (Россия, Самара)
Н.В. Барабанова (Россия, Самара)

ТРАНСФОРМАЦИЯ СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается трансформация спортивного дискурса XX века на материале немецких эссе (Б. Брехт, М. Фляйссер) и романов (М. Фляйссер, И. Койн, Э. Елинек). Прослеживает восторженное, осторожное и крайне негативное отношение к спорту как социокультурному феномену XX века.

Ключевые слова: спортивный дискурс, трансформация, пересечение дискурсов, эссе, роман XX века, Б. Брехт, М. Фляйссер, И. Койн, Э. Елинек.

В культуре XX века спорт выступает глобальной метафорой условий человеческого существования. В современном культурном пространстве постепенно формируется тенденция к непосредственному «чтению мира» через спорт. Сквозь призму спорта исследуются новый тип социальной общности (общество потребления, «общество спектакля»); новый тип культуры (массовая, внеличностная); новый тип человека-потребителя, жизненной средой которого становится мифоцентричная и телоцентричная культура; новые позиции субъекта (игровые).

Исследование спортивного дискурса помогает обозначить многие проблемы общества и культуры, а также отрефлексировать важные стороны жизни человека-потребителя *homo consummatus*, человека телесного *homo somaticos* и человека играющего *homo ludens*. Во-первых, обращение к теме спорта позволяет критически осмыслить исторически закреплённую в культуре рационалистическую традицию противопоставления «человека телесного» и «человека духовного», что постоянно воспроизводится в социальной и художественной практике. Во-вторых, спортивный дискурс, встроенный в мир симулякров и подобий, выступает богатейшим ресурсом для писателей-мифоборцев, в художественную задачу которых входит разрушение мира неподлинных образований. Так, Эльфрида Елинек в своей практике деконструкции тривиальных мифов использует базовую метафору спортивного дискурса «спорт – война» [Кудрин 2011:10], проигрывая эту текстопорождающую модель в связках «спорт – Холокост», «спорт – власть (политика)», «спорт – секс (война полов)». В-третьих, обращение к спортивному дискурсу высвечивает новые гендерные координаты, складывающиеся в обществе и культуре потребления. В первой половине XX века происходит ломка традиционных стереотипов «маскулинности» и «женственности», осуществляется гендерный сдвиг – от патриархальной модели к феминистской [Быховская 2000: 182]. Конкурируют две гендерные модели: 1) спортивный мужчина, сильный и выносливый физически, но по сути своей, инфантильный и ведомый; 2) «деловая женщина», рациональная, занимающая самостоятельную, активную жизненную позицию, спортивная, мобильная.

Во времена Веймарской республики (1919–1933) спорт культивируется как новый *modus vivendi*, как эмблема экономического и социального оптимизма, постепенно вытесняя травматический опыт первой мировой войны. Развитию спорта – профессионального и досугового – во многом способствуют средства массовой коммуникации. Массмедиа триумфируют о рождении нового типа человека – «человека спортивного» *homo ludis*. Новый жизненный и эмоциональный опыт, праздничность и зрелищность спортивных мероприятий, приятный досуг привлекают и потребителей спорта (зрители, читатели газет, радиослушатели). Исследователи констатируют факт: *Wir leben nicht nur in der Zeit der Mechanisierung, sondern auch in der Versportlichung* [Kessmeier 2000: 66]. Государственная и культурная политика поддерживают создание многочисленных спортивных обществ: *Fußball-, Tennis- oder Rudervereine* [Eisenberg 1993: 140]. Любимыми видами спорта становятся динамичные и зрелищные – плавание, теннис, футбол и бокс.

В свое время немецкого драматурга Бертольда Брехта (*Bertolt Brecht*, 1898–1956), восторженного поклонника бокса, привлекла именно сюжетная завершенность боксерского поединка. В сражении на ринге Брехт видел аналог сценической истории. По его мнению, бокс как никакой другой вид спорта выражает пульс времени (*paradigmatischer Sport jener Zeit*) [Bolz 2006: 10].

В своем эссе *Mehr guten Sport* Брехт рассматривает спорт как зрелищный массовый спектакль с его базовым принципом соревновательности. Брехт требовал через спорт изменить театр, перенести свойства спорта (агональность и зрелищность) на театральную сцену. *Man muss ins Theater gehen wie zu einem Sportfest* [Brecht 1992: 57]. Не без зависти Брехт говорит о стадионах, собирающих более 15 тысяч болельщиков из разных социальных слоев (*gefüllte Zementtöpfe mit 15.000 Menschen aller Klassen*) [Brecht 1992: 119]. Но более всего Брехт ценит то, что критическая масса «спортивно заряженной» публики в театре обладает огромной обличительной мощью (*starke Urteilskraft*) [Kleinschmidt 2006: 93].

В 1920-1930-х спорт, обнаруживая ярко выраженную способность к соперничеству, составляет конкуренцию не только театру, но и литературе. В Германии к теме спорта обращаются представители литературы «новой деловитости» [Becker 1995: 10]. Ге-

рой их произведений – это человек нового мироощущения и миропонимания, проявляющий обостренный интерес к техническим новинкам (кино, радио), к новым формам досуга (музыка, джаз, спорт), главным образом, к зрелищности спорта и новому опыту телесности.

Спортивный энтузиазм Брехта разделяет австрийская писательница Марилуизе Фляйсер (*Marieluise Fleißer*, 1901–1974). Если Брехт пытался превратить театр в спортивную арену, то Фляйсер пытается оснастить спортивными качествами искусство и литературу. Атмосферу спортивного азарта она передает в своем эссе *Sportgeist und Zeitkunst. Essay über den modernen Menschentyp* (1929), первоначально опубликованного под названием *Bruder des Blitzes. Der moderne Menschentyp* (1928).

Герой-спортсмен у Фляйсер предстает персонификацией «спортивности». Фигура спортсмена рассматривается ею как прототип современного человека (*Sportsmann als Repräsentant des modernen Zeitgeföhls*) [Fleißer 1972: 317]. Спорту Фляйссер приписывает не только развитие физического тела, но и влияние спорта как искусства на духовную сферу человека. Оценивая актуальную реальную ситуацию восторженного отношения к спорту, Фляйсер вместе с тем предостерегает своих современников от опасного спортивного фанатизма: *Jedenfalls geht aus der Erhebung hervor, dass die jüngere Generation leichter das Geld für Sport erübrigt als für Theater und Bücher* [Kessmeier 2000: 183].

Другой представитель «новой деловитости» австрийский писатель и эссеист Роберт Музиль (*Robert Musil*, 1880–1942) озабочен вопросами спорта в нравственных координатах своего времени. Музиль приветствует обращение молодой публики к спорту, в котором есть естественный фанатизм. Вслед за просветителями, Музиль рассматривает физическую культуру как важную сферу утверждения человеческого смысла, выражения свободной личности и выявления максимальных возможностей человека [Fleig 2008: 13]. Вместе с тем в романе «Человек без свойств» (*Der Mann ohne Eigenschaften*, 1930) Музиль с иронией пишет о том, что «спорт и деловитость» пытаются вытеснить «устаревшие понятия добра и человеческого величия» [Музиль 1980: 141]. Общество и культура потребления с избыточно развитой сферой массовых

культурных мифов неизбежно разрушают, подвергают эрозии прежние ценности человека, порождая «одномерного человека» (по Г. Маркузе).

Спортивную тематику Фляйсер использует также для освещения темы гендерной асимметрии в обществе и культуре. Одна из первых в немецкоязычном литературном пространстве, она фиксирует разнонаправленное перекодирование мужского и женского. Женственность становится технологией жизненного успеха и карьеры, требующей маскулинной, «железной» хватки и целеустремленности, а мужское – в силу тотальной инфантилизации социума XX века – выступает зоной «вечного детства».

«Спортивный» роман Фляйссер под названием «Фрида Гайер» (*Mehltreisende Frieda Geier. Roman von Rauchen, Sporteln, Lieben und Verkaufen*, 1931) позднее переработан в роман «Украшение спортклуба. Роман о курении, спорте, любви и торговле» (*Eine Zierde für den Verein. Roman von Rauchen, Sporteln, Lieben und Verkaufen*, 1973). Во второй версии романа акцент сдвинут с женского персонажа *Frieda Geier* на мужского протагониста *Gustl Gillich* [Tötenberg 1979: 55].

Автор помещает действие романа в провинциальный городок, в котором напряжения между традиционными ценностями и современными тенденциями особенно ощутимы. Тихая неподвижная жизнь провинциального городка оживляется созданием здесь спортивного клуба. Женский персонаж в романе воплощает новый тип деловой женщины. Фрида Гайер – торговый курьер, разъезжает на мопеде, много курит, эмансипированная и самодостаточная, наделена мужскими чертами (решительность, самостоятельность, брутальность, рациональность, спортивная фигура и короткая стрижка). Мужской персонаж романа воплощает тип «человека спортивного» [Fleig 2001: 116]. Густль Гиллих – профессиональный пловец, живет в стихии воды, подчинен зову плоти, дитя природы *Naturbursche*, его глаза горят «звериным огнем» [Fleißer 2014: 72], дикарь, не знающий моральных угрызений. *Er ist so gesund, ein Barbar. Er kennt höchstens den Muskelkater, keinen moralischen Kater* [Fleißer 2014: 91]. Он способен на животную агрессию *wie ein verwundetes Tier*, когда не получает ответную любовь. После любовного фиаско Густль возвращается к работе в

спортивном клубе и вновь становится любимцем толпы «провинциальных варваров» (*Barbaren der Kleinstadt*) [Fleißer 2014: 191], приятно осознавая отсутствие обязательств перед соблазненной им женщиной и наслаждаясь ощущением власти над толпой своих фанатов.

Фляйссер развенчивает утопическую составляющую спорта: в «обществе спектакля» *theatrum mundi* спорт – всего лишь пустая надежда на социальное и духовное обновление человека. В романе «икона спортсмена», как позитивного прототипа современного человека, десакрализуется. Наделяя спортивного человека качествами *Kampfgeist [...] Kontrolle, Tempo, Durchhalten, Steigerung*, Фляйссер желает видеть их применительно не только к телу, но и духу человека. *Werden wir auch am Geist sportlich hart mit uns selber [...]. Der Geist muss auch trainiert werden* [Fleißer 1983: 318–319].

Феномен «новая женщина» [Müller 2009: 20] подробно освещается в романе «Девушка из искусственного шелка» (*Das kunstseidene Mädchen*, 1932). Автор романа Ирмгард Койн (*Irmgard Keun*, 1905–1982) пишет портрет деловой женщины, конструирующей себя под влиянием сложившихся в массовой культуре стереотипов и мифов.

Повествование ведется от имени героини, молодой секретарши Дорис. Героиня деловито и рационально выстраивает свое Я в соответствии с выбранным ей идеалом. Она поддерживает спортивный тонус, занимается утренней гимнастикой, обливается ледяной водой, ухаживает за своим телом. Ее дневник, в котором даются зарисовки-картинки из ее жизни, становится своего рода хроникой процесса «сборки себя» как конструкта, обладающего характеристиками «новой женщины», уверенной, независимой, спортивной. Сама себя она наблюдает со стороны, как бы разворачивая ленту кино (жизнь как кино). *Und wenn ich später lese, ist alles wie Kino – ich sehe mich in Bildern* [Keun 2000: 8]. Занимаясь «лепкой» своего образа, героиня не замечает, как происходит потеря индивидуальности. Койн передает драму молодой женщины, перенимающей модель мужчины и отстаивающей свое право на самодисциплинированность. Такой подход, во-первых, – уже насилие, «запихивание» себя в стандарт; а во-вторых, – своеобраз-

ный протест против подчинения женщины и ее тела канонам и «правилам игры», установленным извне, мужчиной.

Спортивный дискурс второй половины XX века предполагает особый язык жестов и особую жестовую модель человека по отношению к миру. В связи с девальвацией слова в ситуации «после Освенцима» культура тела человека укрепляет свои позиции, отвечая на вызовы времени, на творческие импульсы второй волны «новой деловитости» в литературе и празднуя свой апофеоз в культуре постмодернизма (телоцентричная культура).

Полное неприятие спорта как массового феномена демонстрирует австрийская писательница-мифоборец Эльфрида Елинек (*Elfriede Jelinek*, род. 1946). Спортивный дискурс становится для Елинек благодатным полем для разрушения мира неподлинных образований. Современные мифы о спорте она включает в свою программу дешифровки тривиальных мифов культуры потребления, обрушая их ядовито, жестко, гротескно, в формулах непристойного [Кучумова 2009].

В своем эссе «Предание смерти. Кое-что о спорте» (*Ein Sportstück*, 1998) [Jelinek 1988] Елинек напоминает о генезисе спорта, успешно забытого в гедонистической культуре потребления. Современный спорт видится ей кровавой бойней, которая продолжается в Европе с античных времен и по настоящее время. Под видом спортивных состязаний современная цивилизация ведет игры со смертью, рассматривая смерть как сокровенного Другого, дефицит которого остро ощутим в «мире без Другого». Спорт, спекулирующий на культе молодости и динамизма, абсолютно внеморален. Он исповедует голую силу мышц, жаждет абсолютной власти над другими, находится «по ту сторону добра и зла».

Эссе *Ein Sportstück*, стилизованное под пьесу, предваряется авторскими ремарками, главная из которых содержит условие, сформулированное как рекламный текст. Все участники пьесы должны носить спортивную одежду, а хористов необходимо облачить одинаково, в одежду от *Adidas* или *Nike*. Здесь Елинек красноречиво говорит о сращивании спортивного дискурса с рекламным и «гламурным».

«Проклятие» современного спорта Елинек видит в том, что спорт выступает как действенный институт власти, скрыто мани-

пулирующий человеческими массами в нужном идеологическом ключе. Современное «общество спектакля» неумеренно практикует миметические игры. В спортивных соревнованиях – как выражении коллективных эмоций – заложен скрытый социокультурный механизм, действующий как мимесис, как свойственное всем людям подражание, порождающее здоровый спортивный энтузиазм. Позитивный аспект подражания в коллективных спортивных переживаниях Елинек переводит на уровень «злокачественного мимесиса» [Зенкин 2015], выявляя такую поведенческую модель человека, которая при определенных обстоятельствах (например, на стадионе как коллекторе массовых эмоций) способна вызывать массовую истерию и психоз. Характерный для современного спорта «злокачественный мимезис», или массовое подражание, обезличивающее человека, Елинек рассматривает как одну из разновидностей социальных игр и подчеркивает его опасно-регрессивную природу.

Феномены «общества спектакля» – спорт, шоу-бизнес, туризм – подвергаются у Елинек гротескному «снятию» в поэтике и в языке. В романе «Дети мертвых» (*Die Kinder der Toten*, 1997) она обрушивается на гламурный мир «прекрасных видимостей» с его гедонистическими составляющими «спорт, секс, еда» (по О. Хаксли, «О дивный мир!», 1932). Роман представляет собой смелый монтаж фрагментов из жизни современного человека. Перед читателем романа предстает изнанка «общества спектакля» – мир грязный, жестокий, перевернутый, в котором обитают «живые мертвецы» и «мертвые живые».

Триаду «спорт, секс, еда» гротескно и пародийно реализуют три «редуцированных» персонажа романа [Котелевская 2008: 39], умерших и вернувшихся в мир людей. Один из персонажей романа – спортсмен-лыжник из австрийской национальной команды *Edgar Gstranz* Эдгар Гштранц – в силу своей профессиональной деятельности занятий максимально вовлечён в медиареальность. Поле его существования в прямом смысле очерчено границами игрового пространства спорта, за пределами которого история его жизни обрывается. В структуре его «редуцированной» личности доминируют определенные социально-психологические характеристики (состязательность, нацеленность на успех любой ценой),

а его индивидуальные желания и мысли, чувства и устремления соответственно вытесняются. Теперь, проявившись в мире живых, Эдгар пытается реконструировать свою прежнюю жизнь, содержание которой было подавлено властью духа состязательности.

Елинек передает суть современного человека-потребителя, живущего в симулятивной реальности в режиме «смерти субъекта» под грудой «пустых означающих». «Смерть человека» в массмедийной реальности компенсируется присутствием его тела, но тела деформированного, расчлененного, дефектного. Спортсмен погибает в автомобильной катастрофе, его тело подвергается уродливому механическому разрушению. Лишившись вербального самовыражения, Эдгар вынужденно переходит на язык жестов. Столь значимая у Елинек телесная составляющая постоянно присутствует на первом плане, продуцируя бесконечные и безрадостные сравнения. «Человеческие тела в спорте напоминают коробки для пиццы или одноразовые стаканчики, вначале они такие красивые, а потом их просто сминают!» «Мускулы ног Эдгара работают как поршни» [Елинек 2006: 186].

Основательно в романе прорабатывается и связка «спорт – секс». Елинек постоянно акцентирует сексуальную мощь спортсмена, демонстрирует связь мужского статуса с символическим «обладанием» женщиной. «Мерцающий родовой жезл Эдгара был подчинен другим, невидимым силам, когда он излился на почву земли» [Елинек 2006: 188].

В один узел Елинек сплетает язык сексуальных отношений и язык Освенцима. Топосы Освенцима маркированы через топос телевидения и через гендерный дискурс. *Die Auschwitz – Topoi werden markiert durch das Fernsehen und den Geschlechtsdiskurs* [Dunker 2003: 333]. Связку «спорт – политика нацизма» комментирует в романе сама Елинек: *Was haben die Freizeitkultur der Gegenwart und Auschwitz mit einander zu tun? Hier ist eine Szene* [Елинек 1995: 246]. Далее следует «бесшовная сцена»: железная дорога, ведущая в Освенцим, соитие Гудрун и Эдгара. Цитата из романа: *Körper der Liebenden sind wie Eisenbahnwaggons. Die von der SS pervertierte Gnome „Arbeit macht frei“ am Tor von Auschwitz wird in den Sexualitätsdiskurs überführt: Nicht Arbeit hat diese junge Schwester freigemacht, sondern ein Auszubildender, den wiederum noch keine*

Gesellenprüfung freigemacht hat, sodaß er in die Öffentlichkeit hätte entlassen werden dürfen [Jelinek 1995: 247].

За рамками нашего исследования остаются еще и другие, значимые тексты немецкоязычных авторов XX века, иллюстрирующие разное отношение к феномену «спорт» – от восторженного и осторожного к резкому неприятию современного спорта и способов достижения спортивных результатов. Спортивный дискурс, обнаруживая многочисленные пересечения с другими дискурсами массмедийной и информационной культуры, демонстрирует сложность происходящих в XX веке социокультурных процессов, когда истощение экзистенциального и тоска по метафизическим высотам компенсируется особым вниманием к телу человека.

Литература

1. Быховская И.М. «Homo somatikos»: аксиология человеческого тела. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.
2. Елинек Э. Дети мертвых. Роман. / Пер. с нем. Т. Набатниковой. – СПб: Амфора, 2006.
3. Елинек Э. Предание смерти. Кое-что о спорте. / Пер. с нем. В.Д. Седельника. – М.: АСР, Астрель, 2009.
4. Зенкин С. Злокачественный мимезис // «НЛО». 2015. № 6 (136).
5. Котелевская В.В. «Редуцированный» персонаж Эльфриды Елинек в «обществе спектакля»// Известия Южного федерального университета. Филологич. науки. 2008. № 2.
6. Кудрин С.А. Базовые метафоры спортивного дискурса как текстопорождающие модели. Автореферат ... канд. филолог. наук. – М., 2011.
7. Кучумова Г.В. Немецкоязычный роман 1980-2000 гг.: курс на демифологизацию. – Самара: Самарская гуманит. акад., 2009.
8. Музиль Р. Избранное: сборник / на нем. яз. – М.: Прогресс, 1980.
9. Becker, S. Neue Sachlichkeit im Roman. In: Sabina Becker / Christoph Weiss (Hg): Neue Sachlichkeit im Roman – Neue Interpretationen zum Roman der Weimarer Republik. – Stuttgart, Weimar: Verlag J.B. Metzler, 1995.
10. Bolz, N. Der Sport als Paradies des Wesentlichen. In: Sebastian Kleinschmidt/ Therese Hörnigk (Hg.): Brecht und der Sport. Brecht Dialog 2005. – Berlin, 2006.

11. Brecht, B. Mehr guten Sport. In: Bertolt Brecht Schriften I. Bertolt Brecht Werke. Große kommentierte Berliner und Frankfurter Ausgabe. Hg. von Werner Hecht, Jan Knopf, Werner Mittenzwei, Klaus-Detlef Müller, Bd. 21. – Berlin, Frankfurt am Main, 1992.
12. Dunker, A. Die anwesende Abwesenheit. Literatur im Schatten von Auschwitz. – München: Wilhelm Fink Verlag, 2003.
13. Eisenberg, Chr. Massensport in der Weimarer Republik. Ein statistischer Überblick. In: Archiv für Sozialgeschichte 33. – Düsseldorf: Verlag J.H.W. Dietz Nachf, 1993.
14. Fleig, A. Leibfromm: Der Sportkörper als Erlöser in Marieluise Fleißers „Eine Zierde für den Verein“. In: Erika Fischer-Lichte/ Wilfried Barner (Hg.): Theatralität und die Krisen der Repräsentation. – Stuttgart, Weimar: J.B. Metzler, 2001.
15. Fleißer, M. Sportgeist und Zeitkunst – Essay über den modernen Menschentyp. In: Marieluise Fleißer. Gesammelte Werke. Hg. von Günther Rühle, Bd. 2. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1972.
16. Fleißer, M. „Eine Zierde für den Verein“. In: Marieluise Fleißer – Gesammelte Werke. Hg. von Günther Rühle. Bd. 2. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1983.
17. Fleißer, M. Gesammelte Werke. Zweiter Band. Roman. Erzählende Prosa. Aufsätze. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2014.
18. Jelinek, E. Ein Sportstück. – Reinbek bei Hamburg, 1988.
19. Jelinek, E. Die Kinder der Toten. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1995.
20. Kessmeier, G. Sportlich, sachlich, männlich. Das Bild der *Neuen Frau* in den Zwanziger Jahren. Zur Konstruktion geschlechtspezifischer Körperbilder in der Mode der Jahre 1920 bis 1929. – Dortmund: Edition Ebersbach, 2000.
21. Kleinschmidt, S. Vorwort. In: Sebastian Kleinschmidt/ Therese Hörnigk (Hg.): Brecht und der Sport. Brecht Dialog 2005. – Berlin 2006.
22. Keun I. Das kunstseidene Mädchen. – München: List Taschenbuch Verlag, 2000. – 219 S.
23. Tötenberg, M. Spiegelung einer Bohemien-Existenz und Sportroman. Zeitliterarische Bezüge zum Prosawerk Marieluise Fleißers. In: Text+Kritik. Zeitschrift für Literatur, Heft 64. – München 1979, S. 54-61.